

Научная статья

УДК 94(474.2)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-127-142

Смирнов Максим

аспирант

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

Калининград, Россия

maksmirn@inbox.ru; ORCID: 0009-0003-6850-0730

ИДЕОЛОГИЯ «ВАПСОВ» ГЛАЗАМИ ЭСТОНСКОЙ ПОЛИЦИИ: ПО МАТЕРИАЛАМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Аннотация. В начале 1930-х гг. Эстонская Республика ощутила на себе последствия мирового экономического кризиса. Нарастающие экономические проблемы привели к крупному внутриполитическому кризису, итогом которого стало принятие новой конституции и последовавший за этим военный переворот и установление личной диктатуры Константина Пятса, временно исполнявшего обязанности президента страны. Одним из ключевых участников развернувшегося конституционного кризиса стал Эстонский союз участников Освободительной войны — ветеранская организация, активно агитировавшая за изменение конституции и борьбу с коррупционным режимом партийной элиты. Именно обвинение Союза в подготовке фашистского переворота стало основанием для введения особого положения и захвата власти Пятсом. Представленная статья посвящена изучению риторики представителей Союза в период конституционного кризиса — тема, до сих пор не рассматривавшаяся в отечественной историографии. В качестве источника используются не публиковавшиеся ранее материалы уголовного делопроизводства в отношении Союза из национального архива Эстонии. Автор приходит к выводу, что рассмотренные материалы уголовного дела не позволяют однозначно классифицировать Союз как фашистскую организацию. Более того, отмечается и тот факт, что подавляющее большинство материалов, отобранных в рамках уголовного дела, являются преимущественно безобидной политической агитацией, не представляющей угрозы государственному строю страны.

Ключевые слова: движение «вапсов», Эстонский союз участников Освободительной войны, Первая Эстонская Республика, Эстония, идеология, риторика, фашизм.

Для цитирования: Смирнов М. Идеология «вапсов» глазами эстонской полиции: по материалам уголовного дела // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2026. № 2 (62). С. 127–142. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-127-142>

Original article

UDC 94(474.2)

DOI: 10.24412/2076-9105-2026-262-127-142

Smirnov Maksim

Graduate Student

Immanuel Kant Baltic Federal University

Kaliningrad, Russia

maksmirn@inbox.ru; ORCID: 0009-0003-6850-0730

THE IDEOLOGY OF THE “VAPS” THROUGH THE EYES OF THE ESTONIAN POLICE: BASED ON CRIMINAL CASE MATERIALS

Abstract. In the early 1930s, the Republic of Estonia felt the effects of the global economic crisis. The growing economic problems led to a major domestic political crisis, which resulted in the adoption of a new constitution and the subsequent military coup d'état and the establishment of the personal dictatorship of Konstantin Päts, the interim president of the country. One of the key participants in the unfolding constitutional crisis was the Estonian Liberation War Veterans' Union, a veterans' organisation that actively campaigned to change the constitution and fight against the corrupt regime of the party elite. It was the Union's accusation of preparing a fascist coup that became the basis for the imposition of the state of emergency and Päts' seizure of power. This article explores the rhetoric of the Union representatives during the constitutional crisis, a topic that has not yet been addressed in Russian historiography. It uses as a source the previously unpublished materials of the criminal proceedings against the Union from the Estonian National Archives. The author concludes that the criminal case materials examined do not allow for the unequivocal classification of the Union as an explicit fascist organization. Moreover, it is also noted that the vast majority of the materials selected in the criminal case are mostly harmless political propaganda that does not pose a threat to the stability of the country.

Keywords: «Vaps» movement, Estonian Union of Participants in the War of Independence, First Republic of Estonia, Estonia, ideology, rhetoric, fascism.

For citation: Smirnov M. The ideology of the “vaps” through the eyes of the Estonian police: based on criminal case materials // MCU Journal of Historical Studies. 2026. № 2 (62). P. 127–142. <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2026-262-127-142>

Введение. Первая половина 1930-х гг. в молодой Эстонской Республике знаменовалась значительными экономическими и политическими потрясениями. Хотя стране удалось достичь определенных экономических успехов в 1920-е гг., мировой экономический кризис сильно ударил по ее благосостоянию. Введенные ограничения на импортную продукцию в Великобритании и Германии обрушили внешнюю торговлю Эстонии на 60 %, отказ от золотого стандарта в той же Великобритании и падение курса фунта, к которому была привязана эстонская крона, также привели

к обесцениванию эстонской национальной валюты. Закономерным итогом инфляции стало разорение фермеров: общий долг эстонских земледельцев составлял 100 миллионов крон, — после чего ситуация была признана критической и тысячи ферм ушли с молотка для ликвидации задолженности. Не лучше обстояли дела и с городским населением: массовая безработица и банкротство предприятий привели к повсеместному падению уровня жизни¹.

На фоне экономических затруднений особо остро были обнажены изъяны политической системы страны. Согласно действующей с 1920 г. конституции², парламент страны — Рийгикогу (от *эст.* Riigikogu — государственное собрание) — обладал крайне широкими полномочиями, фактически объединив в себе законодательную и исполнительную ветви власти: правительство страны назначалось парламентом и было полностью ему подотчетно, Рийгикогу мог распускать правительство и назначать новое по своему усмотрению. При всем этом должности президента как уравнивающей силы в стране не было. Как следствие, работа правительства была неминуемо сопряжена с постоянным вмешательством со стороны законодательной власти, развалы коалиций и межпартийные конфликты приводили к регулярным отставкам кабинета, что делало процесс выработки и принятия непопулярных решений крайне трудоемким и сложным. Хотя система и продержалась более десяти лет, но справиться с вызовами экономического кризиса ей не удалось: ни парламент, ни правительство не смогли предложить эффективного решения для стабилизации финансового положения государства, что сильно обострило общественное недовольство — все чаще звучали обвинения в коррупции, закулисных сделках, разложении существующих политических партий. Наиболее перспективным решением для выхода из ситуации виделось усиление исполнительной власти, что требовало изменения Основного закона страны.

Процесс выработки новой конституции проходил сложно, на фоне экономического упадка, внутриполитической борьбы и под давлением общественности. Результатом этих событий стал полномасштабный конституционный кризис с 1932 по 1934 г. После нескольких референдумов в ноябре 1933 г. была принята новая конституция, которая вводила выборную должность президента страны с широкими полномочиями³. Тем не менее президентские выборы так и не состоялись: в марте 1934 г., в самый разгар президентской гонки, Константин Пятс, видный эстонский политик, временно исполняющий обязанности главы государства, при поддержке генерала армии Йохана Лайдонера осуществил государственный переворот, установив режим личной диктатуры⁴.

¹ Conditions of democracy in Europe, 1919–1934: Systemic case-studies / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills, 2000. P. 118.

² Eesti Vabariigi Põhiseadus. <https://www.riigiteataja.ee/failid/1920.html> (дата обращения: 01.12.2025).

³ Eesti rahvusaarhiiv (Национальный архив Эстонии, ERA). F. 80. N. 5. S. 2038. Lk. 33.

⁴ История Эстонии / А. Крийска и др.; пер. с эст. Э. Вяря. Таллинн, 2020. С. 276.

Авторитарное правление Пятса продолжалось вплоть до утраты страной независимости в 1940 г. Несмотря на диктаторские полномочия, Пятсу не удалось сохранить эстонскую государственность.

Формальным поводом для введения режима особого положения в стране и последовавшей узурпации власти стало обвинение организации «Эстонский союз участников Освободительной войны» (*эст.* Eesti Vabadussõjalaste Liit — EVL), члены которого были больше известны под своим разговорным названием «вапсы», в подготовке фашистского переворота. «Вапсы», представленные ветеранами войны за независимость, первые годы существования республики практически не участвовали в политической жизни страны, ограничиваясь поддержкой ветеранов и их семей. Однако с наступлением экономического и конституционного кризиса «вапсы» оказались втянуты в самый центр внутривнутриполитической борьбы. Позиционируя себя как внепарламентскую силу, «вапсы» противопоставляли себя «коррупционерам и жуликам» в Рийгикогу, активно агитировали за изменение конституции и введение должности президента в стране. К 1933 г. влияние «вапсов» возросло многократно, сделав движение неотъемлемой частью политической жизни страны. Именно «вапсовский» проект конституции был принят на всенародном референдуме в 1933 г. и стал новым Основным законом страны. После этого «вапсы» приняли решение бороться за власть до конца: общественная организация была реорганизована в полноценную политическую партию и приняла участие в местных выборах, в то время как генерал Ларка, лидер движения, стал одним из фаворитов президентской гонки, прямым конкурентом как Пятса, так и Лайдонера. В марте 1933 г. на фоне захвата власти Пятсом организация была обвинена в подготовке фашистского переворота и запрещена, а ее члены арестованы⁵.

Обоснованность подобных обвинений остается дискуссионным вопросом в эстонской историографии. Эстонской полиции в ходе расследования не удалось найти явных доказательств вины членов организации; спустя год следствия все обвиняемые были выпущены на свободу с минимальными или условными сроками. Тем не менее имидж «вапсов» как эстонских фашистов закрепился: так, в советской историографии они именовались «эстонскими гитлеровцами»⁶. Разумеется, определенные предпосылки для создания образа фашистов у «вапсов» имелись: уже современники (прежде всего в лице идеологических противников движения — социалистов) отмечали схожесть «вапсов» с фашистскими движениями эпохи, как внешнюю («вапсы» являлись в целом парамилитаристской организацией со строгой иерархией и военной символикой, носили нарукавные повязки, использовали римский салют), так и идеологическую («вапсы» ратовали за духовное очищение нации, обширное усиление

⁵ Riigi Teataja. 1934. № 22.

⁶ История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / под ред. Г. И. Наана. Таллин, 1953. С. 405.

полномочий исполнительной власти, критиковали эстонский парламентаризм, занимали яркую антимарксистскую позицию). Вместе с тем эстонские историки Андерс Касекамп⁷, Рейн Маранди⁸, Яак Валге⁹ и др., изучавшие различные идеологические аспекты движения и проводившие сравнительные параллели, в том числе и с Национал-социалистической немецкой рабочей партией (НСДАП), отмечали ряд ключевых отличий между традиционным фашизмом и воззрениями «вапсов», относя их к крайне правым силам, но не к полноценному фашизму (однако Касекамп, например, признает, что при использовании менее строгих определений идеологии «вапсов» действительно можно теоретически отнести к фашистам)¹⁰.

В рамках данного дискурса ключевое положение занимает и само определение понятия «фашизм», поскольку четкое значение данного термина остается дискуссионным в современной науке. Вывести однозначное и всеобъемлющее определение идеологии, а также выявить ее основные характеристики и признаки пытались такие исследователи фашизма, как Эрнст Нольте, Роджер Гриффин¹¹, Майкл Манн¹², Стэнли Пейн¹³ и др., однако до сих пор консенсуса по данному вопросу не наблюдается. В рамках статьи в качестве определения будут использоваться общие признаки фашизма, сформулированные в работах Стэнли Пейна¹⁴, Майкла Манна¹⁵ и Роджера Гриффина¹⁶. В их число входят: антикоммунизм, национализм, этатизм, корпоративизм, агрессивный милитаризм и стремление к внешней экспансии, авторитаризм и вождизм («фюрер-принцип»), склонность к насилию, а также наличие центральной идеи о реформировании или возрождении общества по новому, «идеальному» образцу с опорой на традиции, коллективизм и мистицизм. Как отмечалось в трудах Касекампа, едва ли «вапсы» соответствовали всем традиционно приписываемым фашизму характеристикам: они не принимали идеи этатизма, ставя нацию превыше государства, но при этом национализм не вырождался в нетерпимость — «вапсы» не имели конфликтов с национальными меньшинствами Эстонии. Не были характерны для движения и идеи внешней экспансии, агрессивного милитаризма или насилия. Представители движения также отрицали

⁷ Kasekamp A. The radical right in interwar Estonia. Houndmills, 2000.

⁸ Marandi R. Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. [osa], Legaalne periood (1929–1934). Stockholm, 1991.

⁹ Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. 2009. № 3. P. 50–62.

¹⁰ Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia // Fascism. 2015. Vol. 4. № 2. P. 155–168.

¹¹ Griffin R. Studying Fascism in a Postfascist Age: From New Consensus to New Wave? // Fascism. 2012. Vol. 1. № 1. P. 1–17.

¹² Манн М. Фашисты / пер. с англ. Н. Алексеевой и др.; под науч. ред. А. Дюкова. СПб., 2023.

¹³ Stanley G. Pain. A History of Fascism, 1914–1945. Wisconsin, 1995.

¹⁴ Ibid. P. 7.

¹⁵ Манн М. Указ. соч. С. 28–34.

¹⁶ Griffin R. Op. cit.

обвинения в авторитаризме и вождизме, хотя и выражали амбиции по единоличному управлению страной, но строго в рамках парламентаризма. Тем не менее это было националистическое парамилитаристское движение, направленное на массовую мобилизацию общества, с ядром идеологии в форме революционного возрождения и оздоровления нации с опорой на коллективизм, а также с ярко выраженным антимарксистским элементом. Как следствие, в рамках более широких определений или отдельных теорий (например, придерживаясь исключительно определения Гриффина) «вапсов», безусловно, можно классифицировать как региональный вариант общеевропейского фашизма¹⁷.

Важно отметить тот факт, что автор представленной статьи стремится внести свой вклад в данный дискурс путем анализа и оценки устной риторики «вапсов» в период конституционного кризиса, однако не ставит перед собой цели дать комплексную оценку идеологии движения в целом. Сравнительный анализ всех элементов идеологии движения и последующая классификация организации в контексте принадлежности к общеевропейскому феномену фашизма выходят за рамки данной статьи.

В статье предпринята попытка расширить представление об идеологии «вапсов» на примере их устных выступлений, зафиксированных в материалах уголовного делопроизводства эстонской полиции. Поскольку «вапсы» были стихийным и популистским движением, так и не получившим власти, полноценной идеологической концепции за короткое время их существования разработано не было. Как следствие, печатные материалы и устные выступления представителей движения в рассматриваемый период являются наиболее обширным и подробным источником информации по идеологическим воззрениям членов организации. Данная статья концентрируется именно на устных выступлениях представителей движения, ввиду того что письменные материалы «вапсовской» пропаганды уже достаточно подробно изучены в эстонской историографии. Ввиду специфики рассматриваемого в статье источника логично предположить, что эстонская полиция отдавала предпочтение наиболее общественно опасным заявлениям, уличающим организацию в противозаконной деятельности. Таким образом, речи и заявления «вапсов», отображенные в материалах уголовного дела о подготовке государственного переворота в стране, являются наиболее яркими и идеологически окрашенными экземплярами пропагандистской работы организации, что позволяет сделать определенные выводы о степени радикализации движения в целом.

Ход и результат исследования. Всего в материалах уголовного дела приведены 52 выдержки из публичных выступлений различных представителей движения за период с сентября 1933 по март 1934 г. Среди приведенных в материалах дела встречаются имена как ключевых членов движения: лидера

¹⁷ Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia. P. 155–168.

организации генерала Андерса Ларки, его заместителя Артура Сирка, руководителя пропаганды Хьялмара Мяэ и др., — так и рядовых или малоизвестных членов. Обозначены 12 выдержек как Программа борцов за свободу и основные тезисы программы борцов за свободу. Выдержки речей в данном разделе преимущественно посвящены прямым обещаниям «вапсов» в ходе президентской гонки, а также их заявлениям об итальянском фашизме, немецком национал-социализме и т. п. В раздел под названием «Речи деятелей EVL, при помощи которых развивалась деятельность и преследовались цели, представляющие опасность для общественного порядка и безопасности» объединены 40 оставшихся выдержек. Речи в данном разделе носят более общий характер и преимущественно посвящены острой критике различных государственных органов, прежде всего политических партий страны¹⁸.

Доминирующей темой практически во всех приведенных в источнике отрывках являются экономические проблемы государства. «Вапсы» регулярно обращаются к эмоционально окрашенному описанию страданий населения, вызванных экономическим упадком, продвигая в том числе и националистическую риторику. Так, в марте 1934 г., во время публичной речи в поселке Лаатре, Хьялмар Мяэ заявил: «Если дальше так жить, через 4 года страна станет банкротом. Правительство обязуется искать иностранные рынки сбыта, но все доселе заключенные торговые договоры были невыгодны для Эстонии, продолжается завоз товаров, которых и так у нас в избытке. <...> Десять миллиардов центов из национального капитала вывезено за границу, из-за чего государство недополучило 35 миллионов крон в налоговых доходах. Очевидно, что прежнее руководство не верит в сохранение независимости Эстонии, но в нее нерушимо верят борцы за свободу»¹⁹. До этого, в феврале того же года, он также заявлял о засилье иностранцев на рынке труда в стране, в то время как 30 000 эстонских граждан остаются без работы²⁰. В сентябре 1933 г., незадолго до народного референдума по изменению конституции, Карл Подрытсик так описывал положение страны: «Наше государство переживает тяжелые времена в экономической жизни, правит безработица, продукты питания стоят дорого, однако фермеры получают крайне малую плату за сельскохозяйственные продукты. Государственная казна пуста и вряд ли найдутся деньги для выплаты зарплат, хотя гражданин платит государству высокие налоги, как прямые, так и косвенные. Все это вина нашей правительственной системы»²¹.

«Вапсы» повсеместно использовали бедственное положение страны для описания сложившейся ситуации и для нападок на политические партии и отдельных лиц, а также приуменьшали роль мирового экономического кризиса, списывая экономические проблемы исключительно на внутреннюю коррупцию и неудачную конституцию Эстонии. Разумеется, подобная риторика являлась

¹⁸ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 306–326.

¹⁹ Ibid. Lk. 323.

²⁰ Ibid. Lk. 323–324.

²¹ Ibid. Lk. 312.

популизмом и пропагандой, основной целью которой было взбудоражить слушателей и потенциальных избирателей, а не предложить реальные действия по разрешению сложившейся ситуации. Активно использовалась эмоционально окрашенная риторика и софистические приемы для создания выгодного образа «вапсов» среди слушателей. В частности, современная экономическая разруха противопоставлялась идеализированному описанию экономического подъема в первые дни после Освободительной войны, упоминались выплаченные Россией репарации и социальная идиллия. Например, Михаил Калм во время агитации перед изменением конституции, в сентябре 1933 г. утверждал: «В начале независимости мы процветали; получили 15 миллионов золотых рублей от России, жили свободно, а страна и люди не знали нужды. Больше этого нет. Везде страдания, барыжничество и банкротство. Все это следствие политической коррупции»²². К подобной риторике Калм возвращался и после принятия конституции в 1934 г. Йоханнес Креек в октябре 1933 г. также отмечал единение общества («чиновника, рабочего и крестьянина») после Освободительной войны, противопоставляя его нынешнему разделению городских и деревенских жителей и обвиняя народное представительство в систематическом развале страны на протяжении последних 15 лет²³. В феврале 1934 г. Август Конгас пошел еще дальше, утверждая, что политики начали делить землю и разбазаривать государственные ресурсы еще до окончания войны, и заявил о необходимости полностью заменить политическую элиту для построения «народного государства»²⁴.

Следует отметить, что риторика «вапсов», приведенная в источнике, часто носит явно антикапиталистический характер, направлена в том числе на критику большого бизнеса, корпоративного руководства и других капиталистических аспектов экономической жизни. Так, в январе 1934 г. Карл Подрытсик заявлял: «Наше правительство не беспокоится о материальном благополучии народа, но заботится о директорах. При сокращении чиновнического аппарата в Нарве был уволен заместитель префекта, но на его месте была создана новая должность префекта, с более высокой зарплатой; где-то увольняют городского, но нанимают комиссара; повсеместно увольняют портье, но набирают директоров. Если борцы за свободу возьмут власть в свои руки, мы начнем увольнять сверху вниз»²⁵. Он же ранее заявлял о тесных связях политиков и крупного бизнеса: «...во всех предприятиях или бизнесах директором наверняка является какой-нибудь партийный туз или его близкий родственник, из-за чего все (государственные) деньги, выданные предприятиям, оседают в карманах директоров или владельцев»²⁶. Собирательный образ неких директоров или «закулисных интриг партий и бизнесменов» повсеместно встречается в приведенной в материалах

²² ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 311.

²³ Ibid. Lk. 315.

²⁴ Ibid. Lk. 320.

²⁵ Ibid. Lk. 319.

²⁶ Ibid. Lk. 312.

дела риторике, в частности в речах Артура Сирка, Хьялмара Мяэ, Виллема Раудсеппа и др.

На этом фоне также надо отметить, что в приведенных в уголовном деле отрывках сравнительно немного критики или нападок на главных идеологических противников «вапсов» — социалистов. Данное поведение не является характерным для движения в целом, поскольку «вапсы» находились в постоянной политической борьбе с левым крылом эстонской политики, яростно критикуя его на страницах своей газеты и в уличной агитации, а в 1933 г. и вовсе выступили с предложением запретить деятельность партии социалистов в стране²⁷. Впрочем, учитывая тот факт, что эстонская полиция занималась прежде всего поиском улик по делу о государственной измене, конфликт «вапсов» с социалистами скорее всего, не представлял особого интереса для следствия. В приведенных отрывках имеются лишь отдельные упоминания социализма в качестве отрицательной характеристики, без ярко выраженного антимарксизма. Например, в феврале 1934 г. Орхвиль сетовал: «В Эстонской республике похожая ситуация, когда укрывателей коммунистов назначают министрами, а расхитителей миллионов никак не наказывают»²⁸. В том же месяце о продолжающейся борьбе «вапсов» против марксизма также заявлял Эрих Румм²⁹, а чуть позже Эдуард Юул критиковал Рийгикогу за отклонение предложенного «вапсами» законопроекта о борьбе с марксизмом и запрете социалистической партии в стране³⁰.

Как уже отмечалось ранее, виновником всех бед в речах «вапсов» выступали так называемые традиционные партии, управлявшие страной с 1920-х гг. В приведенных в источнике вырезках «вапсы» не разделяли партийных акторов, используя собирательный образ «партийного государства», «партийных кадров», «партийных людей» в качестве мишени своей критики. С партийной коррупцией и неудовлетворительным управлением страной с 1920-х гг. связывались абсолютно все трудности в истории страны, прежде всего экономические. Красноречиво иллюстрирует позицию «вапсов» речь, произнесенная Карлом Кондасом в сентябре 1933 г.: «Народное представительство мешало и препятствовало работе правительства — пытались его развалить. Из-за ошибочной экономической политики произошло полное обнищание народа. Пиком анархии и коррупции политических партий стали 1923 и 1924 гг., результатом чего было прискорбное восстание 1 декабря. Восстание, конечно, подавили, но страна так и не встала на правильный путь. У нас отсутствует власть, которая не позволила бы растоптать волю народа. <...> За 15 лет нас так и не сумели убедить в том, что у нас имелись политические партии. У нас были политизированные банды, беспорядок и анархия»³¹. В данном случае в косвенную вину партиям дополнительно ставится попытка государственного

²⁷ ERA. F. 80. N. 5. S. 2053. Lk. 2.

²⁸ Ibid. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 322.

²⁹ Ibid. Lk. 309.

³⁰ Ibid. Lk. 325.

³¹ Ibid. Lk. 314.

переворота 1 декабря 1924 г., организованная действующими в подполье коммунистами³². После принятия новой конституции «вапсы» активно использовали данный факт в своей риторике, постоянно напоминая о том, что традиционные партии страны являются представителями старого порядка и будут не в состоянии реализовать идеалы, заложенные в «вапсовской» конституции. Как следствие, священным долгом «вапсов» являлось продолжение борьбы за власть ради «спасения» нового Основного закона, а президентская гонка виделась прямым продолжением народного референдума. Подобная риторика использовалась, в частности, кандидатом в президенты Андерсом Ларкой в январе 1934 г.³³

По мере нарастания темпов президентской гонки «вапсы» также начинают отдельные выпады в сторону других кандидатов в президенты страны: основным вектором атаки по-прежнему служит принадлежность или связи кандидатов с традиционными партиями страны, что в глазах «вапсов» делает их якобы пособниками и виновниками коррупционных махинаций и разрушения страны. В частности, Юри Сассиан и Вольдемар Принтс в феврале 1934 г. обвиняли Константина Пятса в «сговоре с антигосударственными элементами, якшании с социалистами, служении собственным интересам вместо народных», одновременно сетуя на то, что «при Пятсе страна не освободится от социалистического влияния»³⁴. Такую же точку зрения высказал и Подрятсик, обличая в своей речи в январе 1934 г. Пятса как «чистой воды политика, заинтересованного прежде всего в набивании своих карманов». В той же речи Подрятсик обвинил и генерала Лайдонера в попустительстве, назвав его «безмолвным наблюдателем» за разворовыванием и дележкой государственных средств³⁵. В марте 1934 г. Кяпакуст также обвинил Лайдонера в бездействии и партийной коррупции за время его службы в качестве депутата Рийгикогу, назвав его «жалким торгашом»³⁶. На фоне критики своих оппонентов «вапсы» противопоставляют им образ генерала Ларки как человека внесистемного и с политикой до сих пор не связанного, что твердой рукой наведет порядок в доме и остановит массовые хищения народного капитала.

Разумеется, критика «вапсов» не всегда была безосновательной: время от времени они активно использовали громкие скандалы в политическом поле страны для выдвижения своих обвинений в сторону политических партий. Следует отметить, что едва ли эта критика была добросовестной. Так, активно критиковались непопулярные, но совершенно законные и обоснованные решения парламента, прежде всего выплата компенсаций немецким помещикам за национализированные земли. В 1933 г., в разгар конституционного кризиса, правительство страны в рамках программы о модернизации флота приняло решение о продаже двух устаревших военных кораблей Перу (позже

³² Taylor N. Estonia: A modern history. London, 2018. P. 45–48.

³³ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 318.

³⁴ Ibid. Lk. 322.

³⁵ Ibid. Lk. 318.

³⁶ Ibid. Lk. 325.

вырученные средства использовались для постройки двух современных подводных лодок). «Вапсы» не преминули выставить данное решение как саботаж обороноспособности страны и пример вопиющей партийной коррупции. Активно упоминались дела Адо Бирка и Исаака Цитрона в качестве примеров попустительства коррупции и безнаказанности³⁷. Однако в обоих случаях «вапсы» упустили некоторые детали и освещали события однобоко, апеллируя к чувствам аудитории, а не к фактам: Адо Бирк, бывший премьер-министр страны и посол Эстонии в Москве, в 1926 г. оказался в центре скандала, после того как в советской прессе были опубликованы подписанные им материалы критического характера о внешней политике Эстонии. Как позже выяснится, Адо Бирк попал под влияние НКВД и насильно удерживался в СССР, но сумел сбежать из-под стражи и найти убежище в норвежской миссии. В 1927 г. Бирк вернулся в Эстонию и предстал перед судом, но, учитывая обстоятельства дела, был полностью оправдан³⁸. Исаак Цитрон, крупный эстонский магнат еврейского происхождения, в 1932 г. оказался в центре большого финансового скандала: он проводил финансовые махинации для получения дополнительного финансирования от государства, но был разоблачен и осужден на два года тюремного заключения³⁹. Таким образом, даже в случае конкретных примеров непопулярных решений правительства или общественных скандалов критика «вапсов» оставалась преимущественно популизмом и пропагандой, а не добросовестной попыткой дать непредвзятую оценку ситуации. Сами же «вапсы» старательно избегали давать конкретные обещания или предлагать собственные варианты решения экономических проблем. По большей части обещания «вапсов» носили общий характер: остановить коррупцию, разогнать ворье, снизить зарплаты чиновникам, конфисковать имущество подозрительно обогатившихся людей, навести порядок и спасти дух нации.

Анализируя все вышеперечисленное, едва ли можно говорить о том, что риторика «вапсов», представленная в источнике, имела по-настоящему преступный характер и несла угрозу для общественного порядка или благополучия. «Вапсы», безусловно, являлись популистами, и их критика политической системы или отдельных личностей не имела под собой существенных оснований, однако в их риторике не встречается явных призывов к насилию, восстанию или другим общественно опасным действиям. Разумеется, некоторые выражения можно трактовать двояко. Например, в январе 1934 г. Карл Кондас заявил, что «в случае новой власти 50 % Тоомпеа (замок, на территории которого размещался эстонский парламент. — М. С.) отправится за решетку». В том же месяце Пауль Телг призвал «уничтожить тот дух в Тоомпеа, что хочет уничтожить нас». Карл Кондас также обещал продолжать борьбу

³⁷ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 318–322.

³⁸ Цыплин В. Г. Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 147–151

³⁹ Postimees. 1933. 30 июля.

и в том случае, если «нас загонят в подполье»⁴⁰. В сентябре 1933 г., в разгар политических волнений в преддверии народного референдума об изменении конституции, Карл Подрятсик заявил, что в случае, если референдум попытаются отменить, это будет прямой атакой на народную свободу, в случае чего «будет действовать право сильного»⁴¹. Из всего источника только одну вырезку можно трактовать как непосредственно прямую угрозу применить насилие. В январе 1934 г. в своей речи Карл Подрятсик произнес следующее: «Мы должны сражаться до последней капли крови, и, быть может, нерушимая преданность Союзу нас не убьет, но настанет время, когда мы покончим с вами»⁴². Однако и в этом случае нельзя однозначно утверждать в отношении кого направлена угроза, а также следует учитывать, что фраза может трактоваться двояко ввиду использованной лексики.

Таким образом, по-настоящему агрессивная и опасная для правящего режима лексика в приведенных в источнике материалах отсутствует и лишь сравнительно малая часть политической риторики «вапсов» может трактоваться в качестве угроз общественному порядку. Более того, можно предположить, что эстонская полиция испытывала трудности со сбором компрометирующего материала, поскольку среди вырезок встречаются в том числе и речи, не имеющие никаких прямых нападок в сторону государства, партий или отдельных лиц, не говоря уже о призывах к насилию или хаосу. Например, отдельно зафиксирована одна фраза генерала Андерса Ларки, произнесенная им во время церемонии освящения флагов ряда подразделений EVL в марте 1934 г.: «Эти флаги — символы нашей борьбы. Если родина того потребует, эти флаги станут боевым знаменем»⁴³. В данном случае следует отметить, что, будучи ветеранской организацией, «вапсы» представляли себя как защитников страны от внешних врагов, поэтому едва ли Ларка подразумевал боевые действия против парламента и народа страны. Еще одним примером совершенно безобидной риторики в источнике является речь Паула Лаамана в сентябре 1933 г., в которой он в шутильной форме рассказывал слушателям о своем последнем визите в полицию и оплате штрафа⁴⁴.

Вместе с тем в представленных материалах встречаются вырезки, проливающие свет на отношение «вапсов» к общеевропейскому феномену фашизма и авторитаризма. Очень часто «вапсы» обращаются к примеру итальянского фашизма, позиционируя его как новаторскую и эффективную идеологию управления государством. Например, в сентябре 1933 г. Николай Хеллат положительно отзываясь об экономическом состоянии Италии: «Видим, что в Италии нет безработицы, в то время как в остальных странах она распространена повсеместно». В том же месяце Виктор Круль заявлял:

⁴⁰ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 320.

⁴¹ Ibid. Lk. 312.

⁴² Ibid. Lk. 318.

⁴³ Ibid. Lk. 324.

⁴⁴ Ibid. Lk. 313.

«Краснопузые считают фашизм костью в горле рабочего народа — это ложь. В Италии фашизм уничтожил политические партии, народ там един, а их вождь Муссолини — очень мудрый человек и настоящий патриот»⁴⁵. В положительном ключе характеризовались и другие тоталитарные и авторитарные режимы. В качестве положительных примеров «вапсы» упоминали Японию и «некоторые аспекты» гитлеризма, деятельность таких личностей, как Юзеф Пилсудский и Энгельберт Дольфус⁴⁶. Вместе с тем в представленных материалах «вапсы» настаивали на том, что они не считают себя фашистами или нацистами, утверждая, что в чистом виде ни одна из этих идеологий не подходит для эстонского государства.

Впрочем, следует отметить авторитарные нотки в риторике «вапсов» в отношении партийной системы страны. Помимо вышеупомянутой критики «вапсы» регулярно призывают к «полному перевороту» партийного устройства Эстонии, зачистке всего государственного аппарата, аргументируя это тем, что старая политическая элита будет препятствовать «вапсам» и не сумеет добросовестно выполнить стремления, заложенные в новой конституции. Разумеется, «вапсы» не призывали к прямым действиям и не заявляли об амбициях по захвату власти; наоборот, они подчеркивали нежелание сосредоточивать всю власть в стране в своих руках. Тем не менее заявления о том, что «власть можно обуздать властью», «у нас в планах полный переворот политической системы», «необходимо избавиться от ложной демократии и заменить нынешних государственных деятелей новыми»⁴⁷, можно истолковывать двояко. Наиболее показательной является речь Хьялмара Мяэ в феврале 1934 г. За два месяца до этого он заявлял, что «мы не хотим брать власть в свои руки», в этот же раз сказал: «Принятие конституции заложило основу новой системы, но необходимо также окончательно разрушить и партийную систему, чтобы этого добиться, должен стать государственным старейшиной наш идейный лидер — генерал Ларка. Также и в Рийгикогу у нас должен быть 51 % — только тогда можно надеяться, что те идеи, что мы заложили, найдут свое воплощение»⁴⁸. Следует отметить, что, согласно новой конституции, если «вапсы» получили бы пост президента и большинство в парламенте, их партия де-факто контролировала бы всю государственную власть. Можно также привести цитату Артура Сирка, второго человека в движении после генерала Ларки, которая несколько раз встречается в рассматриваемом источнике и используется в контексте рассуждений о чрезмерно авторитарном проекте конституции и обвинении «вапсов» в амбициях по захвату власти: «Там, где демократии нет — нельзя ее лишиться, так же, как нельзя установить диктатуру там, где она уже есть»⁴⁹.

⁴⁵ ERA. F. 1. N. 7. S. 124. Lk. 306.

⁴⁶ Ibid. Lk. 309.

⁴⁷ Ibid. Lk. 307.

⁴⁸ Ibid. Lk. 308.

⁴⁹ Ibid. Lk. 311.

Заключение. Рассуждая исключительно о риторике «вапсов», представленной в источнике, можно резюмировать, что она в целом согласуется с традиционным в эстонской историографии образом «вапсов» как националистического правого движения, хотя и испытавшего влияние фашистских идей. Разумеется, наибольшее беспокойство вызывает положительное восприятие различных течений фашизма в выступлениях представителей движения вкупе с явно прослеживаемыми авторитарными тенденциями. Хотя «вапсы» и не призывали к насильственному свержению демократического режима, они тем не менее стремились к установлению тотального контроля над институтами власти страны, что привело бы к авторитарной однопартийной диктатуре. Однако как и в случае обвинений в симпатии к фашизму, так и в амбициях по захвату власти «вапсы» отреклись от подобных утверждений, стремясь сохранить умеренную позицию. Из других признаков фашизма в материалах источника можно обнаружить проявления милитаризма, национализма и типичной для их идеологии идеи о «возрождении» нации с опорой на традиции прошлого. Впрочем, все эти признаки выражены крайне умеренно, в большей степени соответствуя классическому национализму, нежели радикализму фашистских движений рассматриваемого периода.

В целом фигурирующая в источнике риторика не является радикальной, а некоторые неполиткорректные заявления являлись отдельными случаями и не носили систематического характера. Более того, подобных заявлений сравнительно мало среди изучаемых материалов, что позволяет сделать осторожный вывод о том, что на практике устная пропаганда «вапсов» была даже менее радикальна, нежели как ее себе представляла эстонская полиция. Основную массу устных выступлений, представленных в источнике, можно квалифицировать как популистские и откровенно пропагандистские. «Вапсы» преимущественно прибегают к общей и пространной критике политических партий и сложившейся государственной системы, не предлагая своих решений возникающих в обществе проблем и не давая никаких обещаний на будущее. Образ «вапсов» как политических авантюристов находит свое подтверждение в материалах изучаемого источника. Разумеется, необходимо также учитывать специфику и ограничения рассматриваемых материалов, которые наложили отпечаток на представленную в них информацию, и делать общий вывод об идеях движения только на основании уголовного дела не стоит. Более полную картину пропаганды «вапсов» помогут составить прежде всего материалы периодической печати рассматриваемого периода. Политические, социально-экономические и националистические воззрения «вапсов» в контексте принадлежности организации к партиям фашистского типа представляют собой перспективное направление для будущих научных исследований.

Литература

1. История Эстонии / А. Крийска и др.; пер с эст. Э. Вяря. Таллинн: Avita, 2020. 350 с.

2. История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней) / под ред. Г. И. Наана. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1952. 554 с.
3. Манн М. Фашисты / пер. с англ. Н. Алексеевой и др.; под науч. ред. А. Дюкова. СПб.: Питер; Фонд «Историческая память», 2023. 592 с.
4. Цыплин В. Г. Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 147–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-147-152>
5. Conditions of democracy in Europe, 1919–1934: Systemic case-studies / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills: MacMillan Press LTD, 2000. 521 p.
6. Griffin R. Studying fascism in a postfascist age: From new consensus to new wave? // *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*. 2012. Vol. 1. № 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1163/221162512X623601>
7. Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia // *Fascism*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 155–168. <https://doi.org/10.1163/22116257-00402006>
8. Kasekamp A. The Radical Right in interwar Estonia. Houndmills: Mac-Millan Press LTD, 2000. 218 p.
9. Marandi R. Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. [osa]. Legaalne periood (1929–1934). Stockholm: Centre for Baltic Studies at the University of Stockholm, 1991. 551 lk.
10. Stanley G. Pain. A History of Fascism, 1914–1945. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
11. Taylor N. Estonia: A modern history. London: Hurst, 2018. 255 p.
12. Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. 2009. № 3. Lk. 50–62.

References

1. History of Estonia / A. Kriiska et al.; translated from Estonian by E. Vyrya. Tallinn: Avita, 2020. 350 p. (In Russ.).
2. History of the Estonian SSR (from Ancient Times to the Present Day) / ed. by G. I. Naan. Tallinn: Estonian State Publishing House, 1952. 554 p. (In Russ.).
3. Mann M. Fascists / translated from English by N. Alekseeva et al.; ed. by A. Dyukov. St. Petersburg: Peter; Historical Memory Foundation, 2023. 592 p. (In Russ.).
4. Tsyplin V. G. Soviet-Estonian relations in the mid-1920s // *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2016. Vol. 16. № 2. P. 147–151. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-147-152> (In Russ.).
5. Conditions of democracy in Europe, 1919–1934: Systemic case-studies / ed. by D. Berg-Schlosser, J. Mitchell. Houndmills: MacMillan Press LTD, 2000. 521 p.
6. Griffin R. Studying fascism in a postfascist age: From new consensus to new wave? // *Fascism: Journal of Comparative Fascist Studies*. 2012. Vol. 1. № 1. P. 1–17. <https://doi.org/10.1163/221162512X623601>
7. Kasekamp A. Fascism by popular initiative: The rise and fall of the Vaps Movement in Estonia // *Fascism*. 2015. Vol. 4. № 2. P. 155–168. <https://doi.org/10.1163/22116257-00402006>
8. Kasekamp A. The Radical Right in interwar Estonia. Houndmills: Mac-Millan Press LTD, 2000. 218 p.

9. Marandi R. Must-valge lipu all: Vabadussõjalaste liikumine Eestis 1929–1937. 1. [osa]. Legaalne periood (1929–1934). Stockholm: Centre for Baltic Studies at the University of Stockholm, 1991. 551 lk.
10. Stanley G. Pain. A History of Fascism, 1914–1945. Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1995. 613 p.
11. Taylor N. Estonia: A modern history. London: Hurst, 2018. 255 p.
12. Valge J. Eesti vabadussõjalased ja Saksa natsionaalsotsialistid: ideoloogia, poliitiline taktika ja kontaktid // Tuna. Ajalookultuuri ajakiri. 2009. № 3. Lk. 50–62. 2 part. Part 2. Tbilisi: Publishing House of the Tbilisi State University, 1984. P. 440–1330. (In Russ.).